

УДК 94(470)"16"

**ГУБНАЯ И ВОЕВОДСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ В ШУЕ XVII в.:
ЭВОЛЮЦИЯ СУДЕБНЫХ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ**

© 2017 г.

Е.С. Бутрин

Государственный архив Ивановской области, Иваново

esbutrin@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.02.2017

На материале г. Шуи рассматривается соотношение судебно-административных полномочий губной и воеводской администрации в отношении посадской общины в России XVII в. Делается вывод, что посад стремился отгеснить губного старосту от судопроизводства на своей территории, поскольку воевода был гораздо теснее связан с местной общиной экономически и политически.

Ключевые слова: XVII в., воевода, земская администрация, губная администрация, тюремная система, городское управление, посадская община.

Во второй половине XVI в., после отмены кормлений, центральную власть в уезде представляли городской приказчик и губной староста. В руках первого сосредоточивалось преимущественно финансовое управление, в руках второго – уголовная юстиция. Вопрос о разделении сфер деятельности этих должностных лиц разработан недостаточно. Хорошо известно о роли губных старост в организации землевладения в уезде¹. Однако в последней четверти XVI в. в Шуйском уезде они в ряде случаев проводили подобные акции вместе с городскими приказчиками. Причем последние могли решать данный вопрос и самостоятельно². Как известно, система воеводского управления, заменившая институт городских приказчиков, устанавливается в России непосредственно после окончания Смутного времени. Однако четкое распределение полномочий воевод и губных старост возникает далеко не сразу.

Анализ содержания грамот, направленных шуйским воеводе и губному старосте в марте-апреле 1613 г., свидетельствует о том, что оба должностных лица действовали одновременно и оба исполняли полномочия как административного, так и судебного характера³. Актовый материал 1610-х гг. указывает на то, что шуйские губные старосты занимались не только расследованием «татинных и разбойных» дел, но и других судебных исков в Шуйском уезде, а также сохраняли полномочия по санкционированию земельных сделок⁴. Спектр судебных полномочий губных старост в начале XVII в. четко определен в уставной грамоте шуянам царя Василия Ивановича от 7 июля 1606 г. Уголовное дело подлежало их юрисдикции в случае поимки виновного «на разбое» либо наличия «поличного». Шуяне должны были «доводить»

им на людей, содержащих «корчму и блядню», продавцов краденого, а также укрывающих разбойников. В ведении губных старост находились и все дела о случайных смертях [3, т. 1, № 1, с. 140–145; 6, т. 2, № 52, с. 117–121]. Однако и в этом акте рядом с губными старостами в ряде случаев фигурируют и городские приказчики.

Уже в ходе первого десятилетия после Смутного времени намечается тенденция к резкой конфронтации с губными старостами шуйской посадской общины. Первым витком противостояния явился конфликт с губным старостой П.П. Калачевым, прибывшим в Шую в 1611/12 г.: он немедленно начал «похваляться поклепом, и подметом, и наученьем язычною молкою» на шуян. Во избежание этого, Калачев велел «к себе носить корм всегда: хлеб, и мясо, и рыбу, и питье, мед и вино». Кроме того, он «учал у нас (шуян. – *Е.Б.*), заставаючи к себе на двор, животину всякую бити». В 1613/14 г. они попытались избавиться от него, известив государя, что «того Посника в губные старосты не выбирали». Они отмечали, что «тот Посник не из нашего города», чем стремились дезавуировать возможность его выбора в губные старосты. Однако тот немедленно предпринял ответные действия. В Шую доставили крестьянина, который начал «клепати напрасно» противников Калачева. В результате трое посадских были взяты «за приставы», а еще один подвергнут «продаже» [3, т. 1, № 5, с. 149–150; т. 2, № 35, с. 61–62; 5, № 11, с. 214; 7, л. 1–1 об.].

В 1613/14 г. в Шуйском и Суздальском уездах появился сыщик П.И. Кузьминский. В Шую явилась целая делегация, включавшая кроме него суздальского и шуйского губных старост, их братьев и племянников, а также целовальни-

ков и рассыльщиков. Шуяне жаловались, что незванные гости «у нас себе и коням корм и питье из кабака и подводы и проводники и сторожи и понятые емлют ежедневно», а арестованных «с пытки сажают на дворех у нас, а в тюрьму в сторожу не сажают» [3, т. 1, № 4, с. 148–149]. В 1616/17 г. в Шуе появился сыщик М.М. Беклемишев. Вместо «сыска» татей и разбойников он «норовил» им, собирая с них «поминки рублей по сту и по двести и больше». К сыщику присоединился и губной староста М.Н. Кротков. Они «научали тюремных сидельцев язышною молкою» на посадских людей⁵. Действия сыщика конкретизируются в донесении на него от 30 мая 1618 г. шуйского воеводы П.И. Волынского. Вскоре поступила аналогичная челобитная шуян. В ней отмечено, что губной староста на них «похваляетца в татинных и розбойных делех языков научати», причем «велит людям своим» подбрасывать шуянам ворованные вещи⁶. Таким образом, в этом случае воевода встал на сторону посадской общины. Подобное его поведение вызывало и ответную реакцию, выражавшуюся в предпочтении, оказываемом ему посадской общиной в ходе разбирательства «губных дел» на территории посада⁷.

Через год в Шуе случился наиболее серьезный виток конфликта между воеводами и губными старостами. 17 сентября 1620 г. губные старосты Ф.В. Сеченый и Правоторх Волков жаловались царю на шуйского воеводу Д.С. Змеева, якобы вступавшегося в «губные дела»⁸. Однако в показаниях по этому делу от 30 сентября 1620 г. шуяне рисовали картину, которая полностью оправдывала действия воеводы, одновременно бросая серьезную тень на губного старосту. 29 октября 1620 г. был проведен обыск относительно еще одной жалобы шуйских губных старост. По их версии, воевода вызвал старосту Волкова в съезжую избу, избил его батогами и велел доправить на нем 7 руб. Однако шуяне показали, что воевода действовал по государственной грамоте, деньги были получены «правежем», и никаких побоев губному старосте нанесено не было [3, т. 2, № 19, с. 45–46; 11, л. 1–2 об.].

Губные старосты не остались в долгу перед воеводой. Уже 21 сентября 1621 г. Змеев жаловался, что они его «крестьянишек сажают в тюрьму без поличнова, без язычной молки и без обысков» [3, т. 2, № 20, с. 46–47]. В этой челобитной воевода оговаривается, что причиной конфликта стало отправленное им сообщение о «небрежении» губных старост: они «покинули тюрьмы и жили в деревнях своих», что привело к побегу шуйских «тюремных сидельцев» [3,

т. 2, № 18, с. 45; 11, л. 3–4 об.]. Сами старосты в челобитной от 17 октября 1620 г. по этому поводу поясняли, что «тюремные сидельцы» разбежались «небрежением» губного целовальника. Первый обыск о побеге тюремных сидельцев был проведен на исходе сентября 1620 г., и согласно ему губные старосты были оправданы. Но воевода сообщил, что проводивший обыск суздальский сын боярский «переделывал обыски». В ходе нового обыска А.Д. Челищева 29 октября 1620 г. шуяне показали, что губные старосты «у губных дел не живут, к себе по деревням съезжают». Подтвердили они и махинации предыдущего «обыщика», который, по их словам, у губного старосты Ф.В. Сеченого «бывал многажды, едал и пивал». Еще ранее сами посадские люди подали челобитную относительно побега «тюремных сидельцев». По их словам, губные старосты не только сами «жили у себя по деревням», но и «губных целовальников распускали по домом и по деревням». Это и привело к побегу заключенных 25 сентября 1620 г. Виновные в нем сторож и губной целовальник тоже сбежали. Поручиком по сторожу был шуянин А.О. Ярыш, которому удалось «сыскать» беглеца и «с поруки ево здат» губным старостам. Они отправили сторожа в тюрьму, однако затем «неведомо где ево дели» и потребовали у шуянина вновь предоставить его [12, л. 1–3 об.]. Таким образом, в этом остром и продолжительном конфликте шуяне вновь решительно встали на сторону воеводы.

Исходом этого противостояния явился указ, полученный 18 января 1621 г. Д.С. Змеевым, по которому все «губные дела» в городе изымались из ведомства губного старосты. Непосредственным поводом к нему послужил очередной конфликт сторон. Губные старосты сообщали в Москву, что 29 ноября 1620 г. во дворе шуянина А.С. Дедерева «удавили» его брата, Илью. Воевода отправил осматривать покойника сотского «мимо губных старост» и велел ему похоронить мертвеца. Кроме того, губные старосты жаловались, что воевода «сыскивая воров (на посаде. — Е.Б.), сажает их у себя под судебною избою, а в тюрьму их к ним не присылает», тогда как уездных людей «в тюрьму присылает, а у себя их под судебною избой не сажает»⁹. В ответ Змеев получил напоминание, что ему запрещено вмешиваться «в татинные и в розбойные и в убийственные дела, которые учинятся в Шуйском уезде» и сажать «в розбойные тюрьмы опальных всяких людей». Зато он должен был «ведать убийственные дела на посаде» [13, л. 1–1 об.]. В данном конфликте в сфере противостояния оказались принципы содержания арестованных: воевода сажал пойманных «за воровство» на

посаде людей в свою темницу, а в тюрьму отправлял исключительно уездных людей. Это поведение вызвало единственное нареkanie – воеводе запрещалось отправлять в тюрьму «опалных» людей (задержанных по подозрению не в губных делах, а в менее тяжких преступлениях). В то же время за ним признавалось право губной юрисдикции на всей территории города¹⁰. Одновременно губные старосты теряют свои полномочия и по делам о случайных смертях. В 1620/21 г. шуяне жаловались, что по этим делам старосты «сажают их в тюрьму и чинят продажу и убытки великие». В ответ им была выдана грамота, по которой подобные дела переходили в ведение воеводы Д.С. Змеева¹¹.

Таким образом, позиция шуян относительно полномочий губных старост в этот период была вполне определенной: воеводская администрация представлялась городской общине гораздо более предпочтительной. В результате губные старосты теряют и право губной юрисдикции на посаде и право суда по делам о случайных смертях. У них остается лишь право привлекать к суду посадских людей в случае их причастности к «татинным и разбойным делам» в уезде. Результатом реализации этого права стал следующий конфликт, в котором старосте противостояла непосредственно посадская община. В 1634/35 г. в Шуе был пойман разбойник Ф.Д. Замыцкий. Он клепал шуян «разбойничьими покупками» и «винною продажею». По этой «молке» губной староста Ф.Н. Кишкин арестовывал посадских и «печатал» их дома¹². Ссылаясь на застарелый конфликт с Замыцким, шуяне называли его слова «поклепными» и жаловались, что губной староста им «проведного сыску и росправы не дает» [3, т. 1, № 18, с. 163–164]. Была высказана просьба, чтобы губные старосты и сыщики «татинные и разбойные дела без воевод и приказных людей не ведали». Таким образом, можно наблюдать, как в результате перманентных конфликтов с городской общиной полномочия губных старост основательно сужаются.

События нового противостояния между воеводой и губным старостой подробно изложены в челобитной воеводы Д.М. Овцына от 29 мая 1628 г. 8 декабря 1627 г. в Шуе появился тяглец московской мясницкой полусотни М.Н. Фролов с грамотой, по которой кабак было велено отдать ему на откуп, предварительно оценив его и взяв цену на откупщике. Фролов «всякой кабацкой завод» принял, но отписи в приеме шуйскому верному голове не дал, а 14 декабря уехал из Шуи. Воевода велел дать на нем поручную запись, вследствие чего Фролов обвинял Овцына в том, что тот 16 декабря «на пра-

вежи мучил и в тюрьму сажал» его товарищей, оставшихся в Шуе, и печатал кабак, отчего три недели «продажнаго питья на кабаке не было». По этому челобитью розыск было велено произвести губному старосте Ф.Н. Кишкину. Однако тот обыскивал «норовя» откупщику [3, т. 1, № 16, с. 160–162]. Следовательно, воевода в этом конфликте вновь встал на сторону посада¹³, а губной староста – на сторону откупщика.

Немного позднее противостояние Овцына с Кишкиным продолжилось. 2 января 1628 г. на мирском сходе у посадских людей случился конфликт с попом Тавлеем, в ходе которого последний даже начал их «лаяти матерны». Воевода велел дать попа на поруки, а поскольку поручиков не оказалось, отправил Тавлея в тюрьму. Губной же староста выпустил попа на свободу. Он предписал тюремным сторожам не слушать воеводу, а отправленных Овцыным в тюрьму лиц «ис тюрьмы выбивать» [8, № 129, с. 163–165]. Этот конфликт свидетельствует, что самой острой точкой соприкосновения губной и приказной администрации являлась городская тюрьма. В обязанности губного старосты входил «досмотр» за ней и «тюремная поделка». Однако в отсутствие губного старосты контроль над тюрьмой и над губным аппаратом переходил в руки воеводы¹⁴. В результате воеводская администрация отвоевывает право на направление в тюрьму лиц, арестованных по административным делам¹⁵. Возможно, этот успех связан с неоднократными совмещениями одним лицом воеводской и губной должностей¹⁶.

Центральная власть при регулировании взаимоотношения губных старост с посадом также отдает предпочтение воеводе. В 1645/46 г. губной староста И.Г. Меншиков просил выделить ему для «постоя» посадский двор, ссылаясь на прежнюю практику. В ответной челобитной шуяне ссылались на то, что «преж сего губные старосты стояли на губном дворе», и просили не чинить им «тесноту» [21, л. 1]. Царская грамота по этому поводу была направлена, однако, не губному старосте, а воеводе И.В. Толбузину [3, т. 2, № 70, с. 350–351; 17, т. 3, № 369/5, с. 475–476; 5, № 257, с. 243]. 29 октября 1648 г. в Шую была направлена грамота по челобитной того же Меншикова. Он жаловался, что в городе «около тюрем тын подгнил и иные тюремные крепости худы». Шуянам необходимо было выбрать целовальников для оценки работ, но приставов на ослушников староста должен был брать у шуйского воеводы [3, т. 2, № 66, с. 90–91]. Эти акты свидетельствуют о подчиненном положении губного старосты по отношению к воеводе, при взаимодействии последнего с посадской общиной.

Таким образом, факты свидетельствуют о постепенном и неуклонном сокращении полномочий губных старост на территории посадской общины в течение первой половины XVII в. Община стремилась не просто ограничить юридические права губного старосты на своей территории, а фактически свести их на нет, используя губную администрацию во вспомогательных целях. К середине столетия губные старосты в своих взаимоотношениях с посадской общиной практически полностью находились под контролем воевод. Однако не следует упускать из виду, что аппарат, имевшийся в распоряжении губных старост, был более приспособлен к решению задач, относящихся к губному ведомству, чем приказный аппарат, имевшийся у воеводы. В результате реальная практика расследования «губных и татинных дел» на посаде расходилась с предписаниями. Ночью 9 октября 1635 г. посадские люди обнаружили кражу. Они били челом об этом губному старосте С.Ф. Кишкину и воеводе И.В. Кирикрейскому и с ними отправились по следу «за теми татьми» [3, т. 2, № 47, с. 335]. 1 марта 1654 г. шуяне обнаружили тело К.С. Губина. Выяснилось, что 28 февраля он был принят «в товарищи торговать» Г.Л. и С.Л. Калиниными. Они были арестованы, поставлены перед губным старостой Л.В. Кишкиным и «с пытки» признались в убийстве Губина [22, л. 1–1 об.]. Ночью 10 января 1667 г. произошла кража в шуйской Воскресенской церкви. Попы и прихожане немедленно начали поиски. Подозрение пало на «служебников» Шуйского Троицкого монастыря. Подозреваемые были арестованы, и губной староста «пытал их разными пытками» [3, т. 1, № 97, с. 228–230]. Таким образом, в ходе расследования дел на посаде староста обычно действовал без контроля воеводской администрации, но в плотном контакте с посадской общиной. Любое ущемление прав посадских людей могло вызвать немедленное обращение к воеводе.

Отношение центральной власти к фигуре губного старосты прежде всего определялось эффективностью ее деятельности. Однако эта эффективность не могла быть высокой. Поскольку должность эта не предполагала вознаграждения, старосты не имели особых стимулов к ее рьяному исполнению (исключая, конечно, корыстный интерес). В результате возникали казусы, отмеченные в актах: 25 сентября 1620 г. шуяне сообщили, что губные старосты «жили у себя по деревням», а 22 мая 1622 г. губной староста Мурза Ковалев сообщал, что его товарищ, староста Ф.И. Кишкин, «из Шюи съехал» [8, № 118, с. 156]. Подобные отлучки необходимо должны были способствовать расширению пол-

номочий приказной администрации. Однако не следует забывать, что, в связи с серьезным недостатком административного персонала высшего звена, еще в XVI в. возникла система заменимости этих должностных лиц (в случае отсутствия одного его полномочия должно было исполнять другое лицо). В Шуге такая необходимость в первой половине XVII в. возникала достаточно часто. Например, 14 апреля 1621 г. в Шугу была направлена грамота, согласно которой воевода Д.С. Змеев из города отзывался, и его полномочия переходили губному старосте Ф.В. Сеченому [3, т. 2, № 20, с. 311–312; 5, № 58, с. 220]. Сеченый исполнял воеводские обязанности до июля 1621 г., когда воеводой был назначен П.И. Ярцев [3, т. 2, № 22, с. 313]. Подобные казусы отмечены также в 1619 г. (17 августа), 1620 г. (16 января), 1624 г. (6 января, 21 февраля), 1625/26 г., 1629 г. (13 октября). Губному старосту С.Ф. Кишкина, исполнявшего воеводские обязанности в 1638–1640 гг. [23, л. 1–2 об.; 24, л. 1–1 об.; 25, л. 1–2 об.; 26, л. 1–1 об.; 27, л. 1; 28, л. 1–1 об.; 1; 3, т. 2, № 45, с. 70–71; 5, № 184, с. 235], после его настоятельной просьбы¹⁷ сменил А.М. Мишуков. Последний также исполнял должность губного старосты не менее трех лет, одновременно возложив на себя все функции воеводы [3, т. 1, № 24, 27, с. 168, 170–172; т. 2, № 43, 48, 58, 67, с. 68–69, 76–77, 84–85, 347–348; 5, № 204, с. 237; 11, № 11, с. 748–749; 29, № 21, с. 25].

Надо сказать, что в ходе настоящей войны, разгоревшейся в 1639–1640 гг. между шуянами и «табашным сыщиком» И.М. Тарбеевым, губной староста С.Ф. Кишкин решительно поддержал позицию посадских людей и вступил в открытый конфликт с сыщиком. Это свидетельствует, что исполнение старостой обязанностей воеводы предполагало тесные связи с посадской общиной и лояльность ей. Однако, в связи с усовершенствованием системы назначения местной администрации, к середине XVII в. необходимость в дублировании воеводской администрации губными старостами исчезла. А постепенное сокращение полномочий губных старост неминуемо должно было привести к полной замене их воеводской администрацией.

Недостатки губной системы правительство старалось исправить разнообразными реформами. Они свидетельствуют, что неэффективность губной системы на местах хорошо осознавалась властями. В качестве главного противовеса губным старостам выступали экстренные чиновники из Москвы – сыщики¹⁸. Однако система сыщиков оказалась еще более неэффективной. В Шуге ликвидация должности губного старосты случилась уже в середине столетия. Л.В. Киш-

кин впервые упоминается в качестве губного старосты в 1649/50 г., а в последний раз в 1661/62 г. [5, № 284, с. 246–247; 3, т. 1, с. 57–58]. А 18 января 1664 г. сыщик А.И. Огибалов сообщал, что в Шуге губного старосты не было и просил указа о его назначении [31, № 655, с. 548–549]. Столь длительный срок исполнения должности Кишкиным свидетельствует, что для него она стала бессрочной и в результате была оставлена им. По требованию Огибалова он вновь был избран в губные старосты, но вскоре вторично оставил должность¹⁹.

В следующий раз фигура шуйского губного старосты является лишь в конце столетия. Ни о каком «земском выборе» в данном случае речь уже не шла. 10 октября 1699 г. из приказа Сыскных дел в Шугу был направлен указ о назначении губным старостой приказного подьячего Г.И. Манатына. Он должен был производить губные дела вместе с воеводой Ф.И. Ломоносовым [3, т. 1, с. 54]. Однако уже первое дело, участником которого стал новый губной староста, выявило противоречия между ним и воеводой. Воевода действовал по этому делу «оприч» Манатына: сам подписывал челобитные, без государева указа освободил «тюремных сиделцов» и даже не выдал ему губных дел [19, с. 222–223]. В августе 1700 г. сыщиком «татинных и разбойных дел» в Шугу и Лухе был назначен кн. И.С. Засекин, а Г.И. Манатын придан ему в товарищи [32, с. 154; 3, т. 2, № 199, с. 212]. Таким образом, вновь возникшая в конце XVII в. фигура губного старосты была новшеством. Он был уже не выборным лицом – на это место был назначен шуйский приказной подьячий. Полномочия его в данном случае были сужены до вспомогательных – он не имел права судопроизводства. Фактически он был подчиненным воеводе лицом, исполнявшим канцелярскую работу. Судя по всему, попытка введения должности губного старосты была связана с усилением контроля за воеводской администрацией.

Приведенные факты дают понять, что должность губного старосты должна была представлять собой местный противовес приказному управлению. Однако посад стремился оттеснить губного старосту от судопроизводства на своей территории, предпочитая по этим вопросам обращаться к воеводе. Причиной этого было то, что воевода был гораздо теснее связан с местной общиной и экономически (кормление), и политически²⁰. Губной же староста являлся представителем служилой корпорации. Поэтому практически во всех конфликтах первой половины столетия посадские люди и воеводы единым фронтом выступают против губных старост. Лишь в случае исполнения воеводских

функций губной староста проявляет лояльность посадку. В результате к началу 1620-х гг. губной староста теряет большую часть своих судебных прав на территории посада. Даже в вопросе о «смешном» суде с уездными людьми посад стремится поставить его под контроль воеводы. В этом свете представление о «земском» характере должности губного старосты, на котором настаивал И.Д. Беляев [34, с. 99–100], представляется несколько преувеличенным. Б.Н. Чичерин и А.Д. Градовский в один голос отмечали преобладание «приказного начала» в должности губного старосты [35, с. 460–461, 470, 502]. Н.Е. Носов полагал, что губные старосты были ставленниками местной служилой корпорации [1, с. 376–385]. С ним в целом солидарен и В.И. Бовыкин [36, с. 324–342].

С начала XVII в. институт губных старост был вынужден конкурировать с серьезным противником – воеводской администрацией. Конфликт между губным и воеводским управлением решила позиция правительства. Ему воеводское управление представлялось более предпочтительным не столько в силу «земского» характера должности губного старосты, сколько по техническим причинам: наличию разработанного набора инструментов административного контроля приказного управления. Уже в начале XVII в. новый губной староста назначался указом из центра, а земские выборы по нему имели формальный характер [35, с. 460–461]. Но снять его таким же образом, как и воеводу, возможности московская администрация не имела. Результатом этого было назначение старост в соответствии с практическими потребностями: после Смутного времени в Шуйском уезде в течение десятилетия они менялись достаточно часто и действовали вдвоем. Последний раз пара губных старост упоминается 12 ноября 1624 г. [3, т. 1, № 14, с. 159]. В дальнейшем речь идет лишь об одном из них, Ф.Н. Кишкине [37, л. 1; 38, л. 1; 3, т. 1, № 16, с. 160–162; 8, № 129, с. 163–165]. В последний раз он упоминается в 1634/35 г. [5, № 129, с. 228–229; 3, т. 2, № 35, с. 61–62; т. 1, № 18, с. 163–164]. В дальнейшем пост был принят его сыном, С.Ф. Кишкиным (впервые упоминается 11 октября 1635 г.) [3, т. 2, № 47, с. 335]. А.М. Мишуков, приняв должность у Кишкина, длительное время исполнял обязанности воеводы²¹. Губным старостой в 1645/46 г. стал И.Г. Меншиков, а в 1649 г. его сменил Л.В. Кишкин (впервые упоминается 16 октября). Таким образом, снижение практической потребности в губных старостах привело сначала к исчезновению их «товарищей», затем – к увеличению срока исполнения должности. А невозможность исполнять ее в течение

длительного времени привела Л.В. Кишкина к сложению с себя этих полномочий.

Примечания

1. Они санкционировали сделки, проводили межевание, осуществляли наказание за земельные нарушения [1, с. 527–537].

2. «Отделы» земли проводили: суздальский и шуйский городовые приказчики В.С. Блудов и Алексей Карпунин (20 февраля 1594 г.); шуйский городской приказчик Алексей Колобов (1597/98 г.); шуйские губной староста Игантий Линева и городской приказчик Алексей Карпов (24 октября 1599 г.) [2, т. 1, № 198, с. 166–167; т. 2, № 176, с. 168; 3, т. 2, № 1, с. 30]. Можно обратить также внимание на указную грамоту великого князя Симеона Бекбулатовича от 14 марта 1576 г. шуйскому городовому приказчику Василию Блудову по челобитной В.С. Каблукова. Последний жаловался, что его поместная деревня Щапово Шуйского уезда «сошным письмом списана» с поместьями ряда других лиц. Однако Блудов «ямские деньги и всякие подати» правил на поместье Каблукова [2, т. 3, № 148, с. 126–127].

3. 8 марта 1613 г. шуйскому воеводе И.Д. Гундорову была запечатана грамота по челобитью Василия Кишкина «об управе в грабежном деле». 10 марта шуйский губной староста А.М. Кайсаров получил грамоту по челобитью суздальца Михаила Сабурова «в сыску о крестьянской вывозке». 15 марта воевода И.С. Блохин получил грамоту «по челобитью Осипа и Микиты» об отказе им поместья. А 21 марта губному старосте была направлена грамота об отказе поместья по челобитью Н. Козынского [4, с. 22, 27, 36, 47].

4. Шуйские губные старосты Петр Крюков и М.Н. Кишкин вели дело об отказе сщ. Жилина и д. Булатово с пустошами в Талицком стану Суздальского уезда (11 мая 1615 – 11 мая 1616 гг.). 16 декабря 1616 г. губной староста М.Н. Кротков он провел обыск о присвоении суздальцами Колобовыми поместных книг сына боярского Тимофея Молчанова, а 16 июля 1618 г. он же вместе со страпчим Сытного дворца произвел обыск об оскорблении архимандрита Николо-Шартомского монастыря: 2, т. 3, № 45, С. 38; 5, № 16, с. 215; 3, т. 2, № 32, с. 217.

5. Механизм действий был таков: люди Беклемишева отправлялись в поместья своих хозяев, забрав с собой лошадей и «всякую рухлядь». Затем «по велению» хозяев эти люди «от поля по ночем» возвращались на посад, занимая пустые двory. После этого их господа, «ведаючи, где они хоронятца», изымали их в качестве беглых и получали показания о причастности посадских к их мнимому «воровству» [3, т. 2, № 13, с. 39; 8, № 111, с. 152–153].

6. В ответной царской грамоте в Шую от 11 июня 1618 г. воеводе было велено поставить фигурантов дела «с очей на очи», и учинить «в Шуе на посаде и около Шуи» повальный обыск по обстоятельствам дела [9, л. 1–7].

7. 22 августа 1618 г. к воеводе прибежал сын посадского Ильи Овдокимова и сообщил, что во двор его отца вломились шуяне Ф.Ф. и К.Ф. Горбуновы с братьями, и начали бить и грабить его. Таким образом, в ходе

этого конфликта посадские люди обратились не к губному старосте, а к воеводе [8, № 206, с. 220–221].

8. Согласно «изветной челобитной» на вернувшегося в Шую из Нижнего Новгорода П.В. Зорю, тот участвовал в нападении на д. Малышково, за что и был арестован. После этого к воеводе явились губные старосты с требованием отдать его им, но тот отпустил его, взяв «откуп». С шуян воевода «выправил» 100 руб. за поруку на Зоре [3, т. 2, № 16, с. 43–44]. 26 сентября 1620 г. Бессон Борисов получил наказную память об обыске по этому делу. В обыске от 30 сентября шуяне рисовали совершенно другую картину: 21 мая 1620 г. на Зорю бил челом шуянин З.П. Попов «в бесчестье своем и в жене». Воевода потребовал у Зори поручную запись «что стати ему к суду». Однако затем он сбежал из города, не дождавшись суда, и поручитель был вынужден выплатить челобитчику исковую сумму [10, л. 1–6].

9. В более ранней челобитной губные старосты жаловались, что воевода сажает в «татинную и розбойную тюрьму» уездных и посадских людей «не в великих делех». Однако в обыске от 7 октября 1620 г. шуяне опровергли эти показания, уточняя, что подобных лиц воевода отправлял в «сторожню» и губным целовальникам «никоторого насилства не чинивал». Что касается его «вступки» в губные дела, то он был вынужден вмешаться в них, поскольку губные старосты жили «у себя по деревням». Таких эпизодов случилось два: после побега «тюремных сидельцев» воевода допрашивал всех участников событий, а 3 мая 1620 г. допросил «конского татя» Ивана Попова «з двема лошадми». В обоих случаях он действовал по причине отсутствия губных старост [10, л. 7–8 об.].

10. Вероятнее всего, эти права были адресованы воеводе после разбирательства по челобитной посадских людей на губного старосту и сыщика, проведенного по грамоте от 11 июня 1618 г.

11. Уступая место новому воеводе, Змеев «свез» грамоту с собой, что и вызвало выдачу нового документа 29 марта 1622 г. [3, т. 1, № 12, с. 157–158; 14, л. 1–1 об.].

12. Ход этого дела освещен в обыскных речах шуян от 20 февраля 1635 г. сыщику И.Л. Шаховскому [11, № 4, с. 711–717].

13. Не вызывает сомнения, что первопричиной конфликта с воеводой стало противостояние откупщика посадскому миру: по собственным словам, он отправился в Москву, чтобы «бить челом на вернова шуйскаго голову Ивана Володимерова с товарищи».

14. Потюремные деньги с шуйского посада по приказу воевод принимались 29 июля 1631 г., 17 ноября 1662 г. и 1 сентября 1663 г., 9 октября 1667 г., 20 сентября 1668 г. и 1 сентября 1670 г., 2 сентября 1672 г., 5 ноября 1673 г. и 23 сентября 1674 г., 30 сентября 1675 г. и 27 сентября 1676 г., 8 октября 1677 г. [16, л. 1–11; 3, т. 2, № 41, с. 332; 17, т. 2, № 246/5, с. 749; 5, № 108, с. 226]. В ноябре 1636 г. шуяне по наказной памяти воеводы И.В. Кирейского «смечали и ценили в Шую тюрьму и около тюрьмы тын и сторожню» [17, т. 3, № 347/1, с. 375–376; 18, л. 1]. Картина полного контроля воеводы над губной системой рисует челобитная человека А.Ф. Наумова на воеводу И.И. Боркова. Он сообщает, что 23 декабря 1667 г. воевода взял к себе из тюрьмы сидельца Ивана Хохла «шапок и одежи шит», тюремного целовальника взял на двор «лоше-

дей опряживают и конюшня чистит и дров в ызбы носит и барды животине возит» [19, с. 208].

15. В 1661/62 г. тюремные сидельцы жаловались губному старосте Л.В. Кишкину на боярских людей и крестьян, сидевших с ними «в боярских делах» [3, т. 1, с. 57–58]. Сидельцы «в боярских делах» были особой категорией заключенных: они должны были содержаться в приказной избе.

16. 20 ноября 1641 г. Г.Б. Кайсаров «вынял ис тюрьмы в Шуе» у А.М. Мишукова человека Василия Ртищева Никиту, посаженного туда «в холопье суде» [20, л. 1]. Подобные «сидельцы» должны были содержаться в «сторожне», однако губной староста, совмещавший воеводскую должность, мог свободно распоряжаться тюрьмой, отправляя туда арестованных «в боярских делах».

17. 27 июня 1640 г. он бил челом на А.М. Мишукова, не принимавшего у него должность губного старосты [5, № 189, с. 235].

18. Практика использования их в качестве реальной силы для борьбы с разбоями была организована сразу после окончания Смуты, но по указу 1627 г. все розыскные и карательные мероприятия были переданы губным старостам. Однако через десять лет практика направления сыщиков была возобновлена. По Новоуказным статьям 1669 г. губные старосты были подчинены особым сыщикам, а в 1679 г. все губные учреждения были переданы в руки воевод. Однако в 1684 г. должность губных старост была восстановлена с прежними полномочиями [30, с. 186–187].

19. Последний раз он упоминается в этой должности в деле о краже 10 января 1667 г. в шуйской Воскресенской церкви.

20. Вопрос о кормлении губных старост является дискуссионным. Г.П. Енин привел ряд фактов выдачи кормов губным старостам, но В.Н. Глазьев отмечает, что если воеводский корм – продолжение и развитие наместнического кормления, то губные старосты не могли претендовать на него «по старине» [33, с. 209–210]. Против установленного размера корма свидетельствует и указание о незаконных поборах П.П. Калачева в 1612 г. Возможно, приведенные Ениным факты относятся к моментам, когда губной староста совмещал и воеводские полномочия, получая за их исполнение «воеводский корм».

21. Новый воевода, кн. Н.И. Оболенский впервые упоминается 15 июля 1644 г. [3, т. 2, № 68, с. 348–349].

Список литературы

1. Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л.: Наука, 1969. 602 с.
2. Акты служилых землевладельцев. Т. 1. М.: Археографический центр, 1997. 432 с.; Т. 2. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 608 с.; Т. 3. М.: Древлехранилище, 2002. 680 с.
3. Борисов В.А. Собрание трудов (материалов) / Ред. Е.Г. Випилин, В.И. Баделин. Т. 1. Иваново: МИК, 2002. 428 с. Т. 2. Иваново: МИК, 2004. 560 с.
4. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / Сост. С.Б. Веселовский. М.: Наука, 1994. 479 с.
5. Летопись занятий Археографической комиссии за 1913 г. Вып. 26. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1914. 483 с.
6. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедицией Императорской Академии наук. Т. 2. СПб.: Типография II Отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1836. 409 с.
7. РГАДА. Ф. 1641. Оп. 1. Д. 5.
8. Памятники деловой письменности XVII в.: Владимирский край / Ред. С.И. Котков. М.: Наука, 1984. 367 с.
9. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 324. Оп. 1. Д. 12.
10. Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 67. Оп. 1. К. 1. Д. 66.
11. НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 1. Д. 67.
12. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (НИА СПбИИРАН). Ф. 21. Оп. 1. Д. 55.
13. ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 57.
14. ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 35.
15. Русская историческая библиотека. Т. 2. СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1875. 1234 стб.
16. НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 26.
17. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. 2. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1864. 872 стб.; Т. 3. СПб., 1884. 522 стб.
18. РГАДА. Ф. 1641. Оп. 1. Д. 37.
19. Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. Т. 3. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1897. 349 с.
20. РГАДА. Ф. 1641. Оп. 1. Д. 41.
21. НИА СПбИИРАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 257.
22. ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 107.
23. ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 47.
24. ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 43.
25. ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 49.
26. ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 73.
27. ГАИО. Ф. 324. Оп. 2. Д. 32.
28. ГАИО. Ф. 324. Оп. 2. Д. 33.
29. Историко-юридические акты XVI–XVII вв. / Собр. М.И. Семевский. СПб.: Типография В. Балашева, 1892. 71 с.
30. Булгаков М.Б. Посадские люди в системе государственных служб в XVII в.: Дис. ... д-ра истор. наук. М.: МГУ, 2007. 405 с.
31. Акты Московского государства. Т. 3. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1901. 671 с.
32. Владимирские губернские ведомости. 1859. № 38.
33. Глазьев В.Н. Власть и общество на Юге России в конце XVI – XVII в.: губные старосты и губное дело: Дис. ... д-ра истор. наук. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. 389 с.
34. Беляев И.Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М.: Типография общества распространения полезных книг, 1905. 136 с.
35. Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII в. М.: Типография Александра Семина, 1856. 593 с.
36. Бовыкин В.И. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 421 с.
37. ГАИО. Ф. 324. Оп. 2. Д. 38.
38. ГАИО. Ф. 324. Оп. 2. Д. 41.

**THE LOCAL MAGISTRATE AND THE VOEVODA IN THE 17TH-CENTURY TOWN
OF SHUYA: EVOLUTION OF JUDICIAL AND ADMINISTRATIVE POWERS**

E.S. Butrin

Based on the material of Shuya, we examine the relationship between judicial and administrative powers of the local magistrate and the voevoda in relation to the 17th-century townspeople community in Russia. It is concluded that the town administration tried to sideline the local magistrate from court proceedings on its territory, since the voevoda was much more closely connected with the local community economically and politically.

Keywords: 17th century, voevoda, zemstvo administration, criminal administration, prison system, city government, townspeople community.

References

1. Nosov N.E. Stanovlenie soslovno-predstavitel'nyh uchrezhdenij v Rossii. L.: Nauka, 1969. 602 s.
2. Akty sluzhilyh zemlevladel'cev. T. 1. M.: Arheograficheskij centr, 1997. 432 s.; T. 2. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1998. 608 s.; T. 3. M.: Drevlekhranilishche, 2002. 680 s.
3. Borisov V.A. Sobranie trudov (materialov) / Red. E.G. Vopilin, V.I. Badelin. T. 1. Ivanovo: MIK, 2002. 428 s. T. 2. Ivanovo: MIK, 2004. 560 s.
4. Dokumenty Pechatnogo prikaza (1613–1615 gg.) / Sost. S.B. Veselovskij. M.: Nauka, 1994. 479 s.
5. Letopis' zanyatij Arheograficheskoy komissii za 1913 g. Vyp. 26. SPb.: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1914. 483 s.
6. Akty, sobrannyye v bibliotekah i arhivah Rossijskoj imperii arheograficheskoyu ehkspediciej Imperatorskoj Akademii nauk. T. 2. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya sobstvennoj EIV kancelyarii, 1836. 409 s.
7. RGADA. F. 1641. Op. 1. D. 5.
8. Pamyatniki delovoj pis'mennosti XVII v.: Vladimirs'kij kraj / Red. S.I. Kotkov. M.: Nauka, 1984. 367 s.
9. Gosudarstvennyj arhiv Ivanovskoj oblasti (GAIO). F. 324. Op. 1. D. 12.
10. Nauchno-issledovatel'skij Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki (NIOR RGB). F. 67. Op. 1. K. 1. D. 66.
11. NIOR RGB. F. 67. Op. 1. K. 1. D. 67.
12. Nauchno-istoricheskij arhiv Sankt-Peterburgskogo Instituta istorii RAN (NIA SPbIIRAN). F. 21. Op. 1. D. 55.
13. GAIO. F. 324. Op. 1. D. 57.
14. GAIO. F. 324. Op. 1. D. 35.
15. Russkaya istoricheskaya biblioteka. T. 2. SPb.: Tipografiya br. Panteleevykh, 1875. 1234 stb.
16. NIOR RGB. F. 67. Op. 1. K. 6. D. 26.
17. Akty, odnosyashchiesya do yuridicheskogo byta Drevnej Rossii. T. 2. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1864. 872 stb.; T. 3. SPb., 1884. 522 stb.
18. RGADA. F. 1641. Op. 1. D. 37.
19. Sbornik starinnyh bumag, hranyashchihysya v muzee P.I. Shchukina. T. 3. M.: Tovarishestvo tipografii A.I. Mamontova, 1897. 349 s.
20. RGADA. F. 1641. Op. 1. D. 41.
21. NIA SPbIIRAN. F. 21. Op. 1. D. 257.
22. GAIO. F. 324. Op. 1. D. 107.
23. GAIO. F. 324. Op. 1. D. 47.
24. GAIO. F. 324. Op. 1. D. 43.
25. GAIO. F. 324. Op. 1. D. 49.
26. GAIO. F. 324. Op. 1. D. 73.
27. GAIO. F. 324. Op. 2. D. 32.
28. GAIO. F. 324. Op. 2. D. 33.
29. Istoriko-yuridicheskie akty XVI–XVII vv. / Sobr. M.I. Semevskij. SPb.: Tipografiya V. Balasheva, 1892. 71 s.
30. Bulgakov M.B. Posadskie lyudi v sisteme gosudarevnyh sluzhbb v XVII v.: Dis. ... d-ra istor. nauk. M.: MGU, 2007. 405 s.
31. Akty Moskovskogo gosudarstva. T. 3. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1901. 671 s.
32. Vladimirs'kie gubernskie vedomosti. 1859. № 38.
33. Glaz'ev V.N. Vlast' i obshchestvo na Yuge Rossii v konce XVI – XVII v.: gubnye starosty i gubnoe delo: Dis. ... d-ra istor. nauk. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2002. 389 s.
34. Belyaev I.D. Sud'by zemshchiny i vybornogo nachala na Rusi. M.: Tipografiya obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig, 1905. 136 s.
35. Chicherin B.N. Oblastnye uchrezhdeniya Roscii v XVII v. M.: Tipografiya Aleksandra Semina, 1856. 593 s.
36. Bovykin V.I. Mestnoe samoupravlenie v Russkom gosudarstve XVI v. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2012. 421 s.
37. GAIO. F. 324. Op. 2. D. 38.
38. GAIO. F. 324. Op. 2. D. 41.